

ЮБИЛЕЙНЫЙ КОМИТЕТ НАВОИ при СНК УзССР

Проф. А. Ю. ЯКУБОВСКИЙ

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ УЗБЕКСКОГО НАРОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО УзФАН
Ташкент—1941

DK
759

073
42

Необходимо отличать условия формирования того или иного народа от истории его имени. Самое имя „узбек“ возникло только в XIV веке. Этим термином обозначали тогда кочевое население восточной части Золотой Орды, числившееся в составе войска золотоордынского хана Узбека (1312—1342). Персидский историк и географ Хамдаллах Казвини в своем труде „Тарихи Гузиде“ называет войско Узбек-хана, отправленное в поход на Азербайджан в 1335 г.—узбеками.

Тот же автор в другом месте вышеотмеченного сочинения называет и самую Золотую Орду „Мамлакати-узбеки“, т. е. узбекским государством. В этом смысле об узбеках говорят „Низам—ад-дин Шами“ и „Шереф-ад-дин Язди“ при описании похода Тимура на Золотую Орду.

В течение долгого времени господствовал неизжитый до наших дней взгляд, согласно которому узбекский народ ведет свое существование от кочевников-узбеков, начавших проникать в Среднюю Азию в XV в. и завоевавших ее всю под предводительством Шейбани-хана лишь в начале XVI в. К сожалению, этот взгляд нашел свое отражение и в вышедших в последнее время учебниках по истории СССР.

Такая точка зрения была бы правильной только в двух случаях: 1) если бы кочевники-узбеки не застали в Средней Азии никакого населения и 2) если бы они истребили все население, которое там застали. Ни то, ни другое, как известно, не имело места.

Напротив, кочевники-узбеки застали, если не на всей территории современного Узбекистана, то во всяком случае на огромной ее части, густое тюрко-язычное, т. е. тюркское и тюркизированное население, которое долго жило здесь культурной жизнью и складывалось в процессе слияния с другими, более древними народами, жившими здесь со времен глубокой древности. Кочевники-узбеки вошли в это тюрко-язычное население лишь как последнее слагаемое, передав ему свое имя.

Благодаря соседству с кочевой степью территория современного Узбекистана подвергалась частым нападениям кочевников. Эти нападения не всегда носили характер кратковременных набегов: иногда кочевники оставались в завоеванной стране, переходили постепенно от кочевого к оседлому быту, смешивались с бывшим здесь населением, включались в его

культуру, как стоящую на более высокой ступени и принимали его язык; иногда, наоборот, передавали свой, входя новым слагаемым в издревле происходивший этногенетический (народообразующий) процесс. Можно наметить основные вехи этого процесса, главные факты которого приходится на долю насыщенных древней культурой областей Узбекистана.

Туда, как известно, входили древние культурные области — Согд, лежавший в долине рр. Заравшана и Кашка-Дарьи, Южный Хорезм, Фергана и Шаш, главным центром которого являлся город носивший уже в XI в. имя Ташкент. Древнейшее население этих областей, известное нам по античным источникам, состояло с одной стороны из земледельцев согдийцев, главных создателей изумительной ирригационной системы Узбекистана, с другой — из кочевников-саков, которые жили сейчас же за Сыр-Дарьей, в сторону земель Казахстана. Этнический состав древней Ферганы периода до образования западного тюркского каганата, т. е. до 50—60 гг. VI в. до сих пор еще не изучен.

За огромный промежуток времени — от походов в Среднюю Азию Александра Македонского (329—327) до середины VI в., когда на территории Семиречья возник указанный тюркский каганат — в Узбекистане побывало не мало завоевателей, которые оставили свой глубокий политический, культурный и этнический след. Последствием походов Александра Македонского было образование греко-бактрийского царства (в состав его входил и Согд), просуществовавшего в течение III и II вв. до н. э. Это был период несомненного подъема, когда местная согдийская культура была оплодотворена эллинистическими элементами. Однако, греко-македоняне, представлявшие собой в Греко-Бактрии лишь небольшой слой, связанный, главным образом, с аристократическими местными кругами, не внесли серьезных изменений в этнический состав земледельческого населения, тем более в язык согдийцев. Большое значение в этом отношении имело завоевание Узбекистана двумя народами: кангюйцами и кушанами, или, как их называют китайцы, — юеждями. Проникнув на территорию Узбекистана во II в. до н. э., они уже во второй половине того же века перешли через Аму-Дарью и в 136 г. до н. э. завоевали греко-бактрийское царство. Через некоторое время кушаны образовали обширное государство, в состав которого входила и большая часть Узбекистана, во всяком случае целиком весь Согд.

Просуществовало кушанское царство до III в. н. э. Если судить об этом периоде на основании не только скудных письменных известий, но и археологических данных, Узбекистан представится нам, особенно в своей согдийской части, страной, шагнувшей значительно вперед.

При кушанах в Средней Азии произошли перемены в этническом составе народов Узбекистана. Прежде всего ушли в значительной своей части с территории Казахстана и Узбеки-

стана саки. Известно, что главная их масса поселилась в одной из восточных областей Ирана — Сеистане, которой они и передали свое имя.

Место саков заняли в Семиречье усунь, а в Шаше — кангюйцы. Последние сыграли большую роль в древней истории Узбекистана. Занимая во II в. до н. э. земли от среднего и нижнего течения Сыр-Дарьи до долины Таласа в Семиречье, кангюйцы постепенно продвинулись в Заравшанскую долину и даже долину Кашка-Дарьи.

Сейчас еще трудно судить на основе незначительного по своему количеству археологического материала, какой след оставили кушаны, кангюйцы и усунь в отношении этнического состава и материальной культуры древнего Узбекистана. По всей вероятности, значительное число кушанов осело в долине Заравшана и Кашка-Дарьи, войдя постепенно в состав согдийцев.

Как памятник о себе, кушаны оставили название одному из важнейших городов древности, — Кушания, лежавшему где-то в Мианкале, недалеко от современного Катта-Кургана. Еще долгое время кушанские купцы жили самостоятельной группой в отдельных городах Средней Азии, например в Бухаре в период арабского завоевания (начало VIII в.).

За отсутствием антропологических и лингвистических данных мы не можем однако сказать какое влияние оказали кушаны на этнический состав и язык согдийцев, но едва ли можно сомневаться, что оно имело место.

В V в. Узбекистан, так же как и другие части Средней Азии, был завоеван эфталитами или, как их называли арабские средневековые хроники, — хайталами. Власть их в Средней Азии, в том числе и в Узбекистане, продержалась до 60 годов VI в., когда они были разбиты тюрками, незадолго перед тем образовавшими большое государство (каганат). Эфталитский период в истории Средней Азии, и в частности Узбекистана, был периодом упадка. Эфталиты часто вели войны с сасанидским Ираном, правители которого не раз подвергали опустошению соседние области Средней Азии. Будучи в основном кочевниками (лишь в очень небольшой своей части они перешли к оседлому быту), эфталиты не сумели создать надежного союза с земледельческой аристократией Средней Азии и установить контакт с городами.

Археологические наблюдения над памятниками этого времени определенно указывают на упадок городской жизни, сокращение площади городов, городского населения, ремесел и торговли. К сожалению, мы не обладаем пока нужным фактическим материалом для решения вопроса о том, в какой мере они внесли изменения в этнический состав согдийцев, ибо мы недостаточно ясно представляем себе карту их расселения в V—VI вв. на территории собственно Узбекистана.

Огромную роль в жизни Узбекистана сыграл упомянутый выше тюркский каганат, сложившийся как обширная кочевая держава к 552 г. н. э. Западная часть каганата с центром в Семиречье уже в первые десятилетия своего существования образовала как бы самостоятельное государство, известное в науке под именем западного тюркского каганата. С момента разгрома (между 563—567 гг.), который был нанесен эфталтам тюрками, начинается медленное проникновение последних в области Узбекистана, особенно в Шаш и Фергану. В западно-тюркском каганате, т. е. в Семиречье и смежных с ним областях Восточного Туркестана, жили племена нушеби и дулу; в состав последних входили и тюргеши.

Общим для них всех был только язык, повидимому уже тогда отличавшийся у отдельных племен рядом более или менее значительных особенностей. Характерно, что к 70 гг. VI в. тюрки подошли к Аму-Дарье. Однако, это были военные отряды, которые стояли здесь только временно и едва ли они оставили здесь после себя сколько-нибудь значительные следы. Небезинтересным является тот факт, что известный сасанидский шаханшах Хосров Ануширван (531—579) был женат на тюркской царевне, матери его сына Хормизда. Тем не менее, во второй половине того же VI в. в западно-тюркском каганате произошли события, в результате которых тюрки появились в низовьях Заравшана и осели в районах Бухары.

Как выяснено Марквартом и С. П. Толстовым, тюркский царевич Або (в персидской транскрипции Абури), сын кагана Муганя и рабыни, лишенный прав на наследство, поднял в 80-х годах VI в. восстание и ушел со значительным числом тюрков, состоявших, главным образом, из обедневших элементов, в район Бухары, где объединился с обездоленной частью земледельческого населения, выгнал местную аристократию и, захватив город Пайкенд, основал тиранию. В данном случае это замечательное событие интересно только тем, что с ним связано проникновение значительного числа тюрков в район Бухары. В дальнейшем из-за Сыр-Дарьи сюда начали постепенно просачиваться новые их группы. К сожалению, для VI—VII вв., т. е. для периода, предшествовавшего арабскому завоеванию, также не сохранилось сведений о том, в какой мере и как совершалось это проникновение. Не приходится сомневаться и в том, что в Шаше и Фергане их было значительное количество. Во всяком случае, при завоевании Средней Азии в VII—VIII вв., арабы сталкивались не только с тюрками из-под Балха и Багдиса, но и Ферганы. Что же касается населения Заравшанской долины от Самарканда и до Пайкенда, а также долины Кашка-Дарьи, то здесь население в основном было согдийским, говорило по-согдийски, хотя и подвергалось тюркскому влиянию, чему, кроме мирных сношений, не могли не содействовать и военные походы тюрков. Известно, что в конце VII и начале VIII вв. восточные тюрки два раза вторг-

лись в Согд. Первый раз они дошли даже до горного прохода Бугал⁷ (железные ворота), лежащего на дороге из Шахрисябза в Термез. Ко времени арабского завоевания, происходившего в конце VII и начале VIII вв., многие владельцы Согда и других областей Узбекистана становились родственниками тюркских ханов, женились на дочерях западно-тюркского ябгу и его родни, или выдавали своих дочерей за их сыновей. Характерно, что среди согдийской знати появляются тюркские имена и титулы. Вспомним хотя бы имя самаркандского ихшида (князя) Тархуна, покончившего с собой в 710 г. Нельзя сомневаться, что „тархун“ имеет прямое отношение к тюркскому титулу „тархан“.

Арабское завоевание несколько замедлило процесс проникновения тюрков на территорию Согда. Однако, это явление наблюдалось лишь после 737 г., когда арабы, завоевав фактически земли Средней Азии между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей, нанесли сильное поражение тюргешам при Харистане. Поражение это имело огромные последствия, поскольку тюргеши и другие тюрки перестали вмешиваться в дела Согда, отдав последний в полную власть арабам. Напротив того, до 737 г. тюркские ханы принимали в борьбе согдийцев с арабами самое деятельное участие; они часто посылали в Согд войска и чувствовали себя здесь как дома, имея в лице согдийских владельцев родственных и близких себе людей. Конечно, такие отношения, продолжавшиеся в течение десятков лет, не могли не содействовать проникновению тюрков на территорию Согда. Известно, что закрепление арабской власти в Средней Азии и в частности в Узбекистане, произошло при аббасидских халифах, т. е. после 750 г. Для арабов тюрки Семиречья были соперниками и врагами, особенно вследствие того, что они энергично поддерживали народное движение Муканны (70 и 80 гг. VIII в.) против арабской власти и усилившейся феодальной эксплуатации. Именно к концу VIII в. и относится восстановление в Бухарской области укрепленной стены против тюрков-кочевников.

Характерно, что арабы не повели наступления на Семиречье, ограничившись только известной битвой с китайцами в долине Таласа в 751 г. Семиречье в течение VIII—IX и даже X вв. оказалось не подчиненным ни аббасидскому халифату (VIII—IX вв.), ни Тахиридам (IX в.), ни Саманидам (IX—X вв.). Внимание Аббасидов и последующих местных иранских династий (Тахириды и Саманиды) было целиком направлено на запад, на максимально прочное соединение Мавераннахра (так арабы называли земли между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей) с Передней Азией. Более того, за три века (VIII—X), протекавшие от арабского завоевания до падения династии Саманидов (999 г.), в Мавераннахр, т. е. на территорию древнего Согда, влилось небольшое количество арабских племенных групп и иранцев, по

преимуществу хорасанцев. Арабы не только селились в городах, но и земледельческих поселениях, долгое время сохраняя свою обособленность. Что же касается иранцев (хорасанцев), то они оседали, главным образом, в городах, в качестве ремесленников, купцов и представителей интеллигентного труда (писцы, учителя, писатели, ученые и т. п. профессии).

В письменных источниках (арабских и персидских), сохранилось, к сожалению, очень мало сведений об этом проникновении хорасанцев. Однако, оно имело свои последствия: в то время, как и при саманидах деревня оставалась по своему языку согдийской, в городах Согда (Бухара, Самарканд и др.) создавался язык, который являлся общим с языком восточного Ирана, особенно Хорасана, язык, который лучше всего назвать таджикско-персидским. При современном состоянии наших знаний мы не можем сказать, в какой мере согдийский язык сельских местностей подтягивался под указанный таджикско-персидский и на какой стадии своего развития он находился в XI в., когда вместе с караханидским завоеванием начался процесс сильного проникновения караханидских тюрок в степные и сельские районы Согда, а вместе с тем и постепенной тюркизации земледельческого согдийского населения в этническом и лингвистическом отношениях. Более интенсивно проходила тюркизация Шашской области при Саманидах. Арабский географ второй половины X в. Ибн-Хаукаль отмечает, что около тысячи семейств тюрок, принявших ислам, перешло с востока в район между Фарабом, Кендиджей и Шашем, т. е. к западу и юго-западу от Чимкента. Этими кочевниками были огузы, жившие ранее вблизи Сыр-Дарьи по правому ее берегу.

Едва ли можно сомневаться, что в Шаше огузские элементы были представлены в древности достаточно сильно. Еще в большей мере можно говорить о проникновении тюркских племен в Фергану. Во всяком случае, в VIII в. карлуки жили не только в Семиречье, но и в Тохаристане, в частности, в Балхской области, захватывая и промежуточную Фергану.

Ат-Табари упоминает под 737 г. карлуков в районе верхней Аму-Дарьи вместе с их предводителем, носившим титул ябгу. Карлукское войско в 90 годах VIII в. было в Фергане. Гардизи рассказывает, что Фадл ибн-Яхья Бармакид отправил в 792—93 гг. Амра ибн-Джамиля с отрядом в Фергану со специальной целью вытеснить оттуда карлуков.

Проникали тюрки также и в Осрушану. Согласно Ат-Табари (тогузгузы, тогузогузы) это проникновение началось, повидимому, в 820 г. и продолжалось очень недолго.

Таким образом, к концу X в., когда началось караханидское завоевание Узбекистана, процесс проникновения туда тюрок имел уже свою медленную и длительную подготовку. Движение караханидских завоевателей началось из Семиречья и смежных с ним областей Восточного Туркестана, где во второй половине X в. сложилось сильное в военном отноше-

нии полукочевое, полуоседлое тюркское государство раннефеодального типа. В тюркское объединение в Семиречье входило несколько племен и народностей— аргу, тухси, карлуки, чигили и ягма. Первые четыре из них стояли в культурном отношении сравнительно высоко; среди них имелись не только охотники, скотоводы, но и земледельцы, а также, хотя и в небольшом количестве, жители городов. Характерно, что именно в это время происходил интенсивный процесс отторжения всех бывших здесь согдийских колоний и согдийской части населения городов.

Этот процесс выражался прежде всего в победе тюркской речи, что и отмечено было известным ученым XI в. Махмудом Кашгарским. Караханидское завоевание областей Узбекистана произошло, как известно, быстро, в течение каких-нибудь десяти лет. Последствия его были огромны. Перемены затронули все стороны жизни: общественные отношения, политический строй и самый состав населения земледельческой полосы. Наше внимание привлекает, конечно, только последний вопрос. Если в предшествующее докараханидское время проникновение тюрок на земли Узбекистана шло за счет заселения, главным образом, кочевых пространств страны, то при Караханидах имело место не только это явление, но и постепенный переход тюрок на оседлый труд в самой земледельческой полосе. Мы не располагаем данными для суждения о том, как быстро проходил процесс перехода многих прежних кочевников к земледелию, так же как и данными для решения вопроса о темпах процесса отторжения в языковом смысле коренного согдийского населения. Мы можем только утверждать, что оба эти процесса происходили интенсивно, и что к периоду монгольского нашествия, т. е. в 20 гг. XIII в. во многих сельских местностях согдийская речь сменилась тюркской. Если все это происходило в Согде, где языковая основа перед тем была согдийской, то что же сказать о Шаше и Фергане? Нельзя сомневаться в наличии здесь к началу VIII в., господствующего тюркского населения. В составе караханидского войска были, повидимому, все тюркские племена и народности Семиречья, т. е. аргу, тухси, карлуки, чигили, ягма и др., однако, судя по письменным источникам XI и XIII вв. (Низам ал-Мульк и Ибн ал-Асир) главную роль при караханидских ханах на территории Узбекистана играли карлуки и чигили. Но указанными племенами не ограничивалось проникновение тюркских элементов: со стороны Сыр-Дарьи сюда просачивались в какой-то мере огузы, а вслед за ними и кипчаки.

Чрезвычайно характерно, что города на территории бывшего Согда остались в основном в стороне от этого процесса. Население в городах при караханидах (XI—XII вв.), так же как и при саманидах (IX—X вв.), продолжало говорить и писать на таджикско-персидском языке. Не только в литератур-

ных кругах, но и в официальных канцеляриях господствовал этот язык, хотя уже намечался процесс включения и тюркских элементов в городскую жизнь, проходивший быстрее в Фергане и Шаше, и медленнее в долине Зеравшана. Насколько быстро шло формирование тюрко-язычного народа в Узбекистане, особенно в Шаше и Фергане при караханидах, видно из следующих фактов: когда в 20-х годах XIII в. закончилось монгольское завоевание Средней Азии и монголы в ряде мест вошли, правда, тонким слоем, в качестве господствующих элементов в состав населения Узбекистана, они всюду подвергались влиянию тюркской, а не таджикской речи. Известно, что ставка монгольского чагатайского улуса находилась в XIII в. в долине р. Или. В том же XIII в. наблюдается переход ее на запад, причем часть чагатаев уходит на территорию Узбекистана. Интересно, что церемония возведения на престол чагатайского хана Мубаракшаха в 60-х годах XIII в. произошла на Ангрене. Здесь, между прочим, осел приблизительно в те же годы один из чагатайских родов — джалаиры; тогда же или несколько позже в долине Кашка-Дарьи, в районе Кеша (Шах-рисябза) поселился другой крупный чагатайский род — барласы. Повидимому, уже в Семиречье эти чагатаи подверглись отюречению в языковом смысле, однако, только на Ангрене и Кашка-Дарье этот процесс закончился. Это могло произойти благодаря тому, что в данных пунктах имелся массив тюркского населения. Со второй половины XIV в. о джалаирах и барласах, не приходится говорить как о монголах. В их собственном сознании и в сознании окружающего их населения они уже являлись тюрками, которые противопоставляли себя монголам или моголам Семиречья. Это уже два мира, враждебно относящиеся друг к другу. И не случайно они дают друг другу полунасмешливые, полупрезрительные клички: монголы Семиречья называют чагатаев „караунасами“, т. е. метисами, а чагатаи монголов „джете“, т. е. просто разбойниками. Тимур (1370—1405), происходивший из рода барласов, не говорил по-монгольски, а знал два языка — родной тюркский и язык города — таджикский. Он не сознавал себя монголом, так же как никто из его современников в Мавераннахре не считал его таковым. Как бы отрицательно мы не относились к грабительским походам Тимура на соседние страны, мы должны признать, что он любил Мавераннахр и стремился поднять в нем городскую жизнь и земледельческую культуру. Родиной его был Кеш (Шахрисябз) и долина Кашка-Дарьи, и по своему происхождению он не противопоставлял себя местному тюркскому населению. Некоторые все еще подходят к термину „чагатаи“ и их родовым подразделениям формалистически. За полтора века своего существования этот термин изменил свой смысл. Происходя от имени Чагатая, второго сына Чингисхана, он прилагался вначале к монгольским племенным единицам, составлявшим войско последнего. В 30-х и

40-х годах XIII в. это действительно были монголы, однако, в 60—70 годах XIV в. ни джалаиры, ни барласы таковыми уже не являлись. Даже наиболее привилегированные воины Тимура из чагатаев, носившие еще косы (что было несвойственно тюркскому населению) говорили уже только по тюркски.

Если в XIV в. под чагатаями понимали четыре его рода — барласы, джалаиры, каучин и орлат, то в XV в. термин этот приобрел более широкое значение. Чагатаями стали тогда именовать все тюркское население Мавераннахра. Ко времени Тимура земледельческое и кочевое население Узбекистана, где лежали главные земли древнего Согда, за исключением городов Зеравшанской долины и некоторых городов Ферганы, было уже в основном тюркским, или во всяком случае тюрко-язычным, т. е. тюркским и тюркизированным.

Если все это имело место в XIV в. (во всяком случае во второй половине XIV в.), то что же сказать про XV в.? В это время Тимуриды считали себя не монголами, а тюрками. Барласы и джалаиры в XV в. рассматривались уже как тюркские роды, хотя современникам, особенно историкам, хорошо было известно монгольское происхождение как имени, так и отчасти предков этих тюркских родов; говорю „отчасти“ ибо „барласы“ XV в. были потомками не только монголов, но и того тюркского населения, которое жило до прихода барласов в Кашка-Дарьинском районе. Интересно, что для обозначения тюркского языка Мавераннахра стали употреблять тот же термин „чагатайский“. Это является лишним доказательством того, как решительно порвало это слово со своим монгольским происхождением. Впрочем, хорошо известно, что слова и термины существуют значительно дольше, чем тот смысл, который они в себе заключают.

Алишер Навои происходил из рода барласов. Но едва ли кто-нибудь решится сейчас утверждать, что по происхождению он не был среднеазиатским тюрком. Выше мы говорили, что таджикское население являлось самым устойчивым городским элементом. Однако, в некоторых городах Средней Азии уже в монгольское время (XIV в.) господствующим стало тюркское население. Таким городом был например Ургенч, который, по словам арабского путешественника Ибн-Батуты, побывавшего в нем в 1333 г. был „одним из больших, красивых и значительных турецких городов“. Тюркскими в монгольское время были уже и многие города в Фергане; некоторые из них, как например, выросший при монголах Андижан, становились подлинными центрами тюркской культуры, особенно языка. Таким же тюркским было и население некоторых городов Шаша и особенно области по нижнему течению Сыр-Дарьи.

Начиная с XV в., с царствования Улугбека (1409—1449), через низовья Аму-Дарьи и, главным образом, через низовья Сыр-Дарьи на земли Узбекистана начинают проникать тюрк-

ские кочевники-узбеки, объединенные ханом Абул-Хайром (1428—1468). Пришли они со стороны степей, лежавших между Эмбой, Уралом и Волгой, просачиваясь с одной стороны в Хорезм, с другой—в Шаш. В конце XV и начале XVI вв. они, под предводительством Шейбани-хана, хлынули в Узбекистан и отвоевали власть над страной у Тимуридов. В 1500 г. был взят Самарканд у последнего здесь Тимурида Султан-Али. Очень быстро были завоеваны Ташкент, Бухара и ферганские города. В 1505 г. был взят Балх, а в 1507 г. пал и Герат.

Шейбани-хан, захватив у Тимуридов власть над Средней Азией, не опустошил страны: земледельческая культура и городская ремесленно-торговая жизнь продолжали нормально функционировать. Пострадали лишь династия Тимуридов и ряд близких к ней феодальных семейств, имущество которых было конфисковано, а главные представители убиты. С этого времени и начинается период власти узбекских ханов в Средней Азии и в Узбекистане. Узбеки-кочевники, под влиянием более высокой земледельческой культуры, вступили в значительной своей части на путь постепенного перехода к земледельческому труду, внося таким образом новое существенное слагаемое в тюркское население Узбекистана. Всему тюркскому населению пришельцы-завоеватели узбеки впоследствии и передали свое имя. Были ли, наконец, эти узбеки очень отличны от того тюркского населения, которое жило до них на территории Узбекистана?

Тюркское население последнего слагалось, как мы выше видели, из пришедших в Мавераннахр из районов Сыр-Дарьи и Семиречья тюрков и местного нетюркского населения. Что же касается кочевников-узбеков времен Абул-Хайра и Шейбани-хана, то в своем составе они имели не мало племен и их подразделений, родственных тем, которые перешли из Семиречья и Сыр-Дарьи в Мавераннахр. Правда, в составе тюркского населения Золотой Орды, из восточных районов которой вышли узбеки, были и тюркизованные монголы, но они селились, как мы видели выше, и в Мавераннахре, например, джалаиры.

Таким образом было бы ошибочно считать, что современный узбекский народ начал свое существование в Узбекистане только с XV—XVI вв. Думать так—значит упрощать и искажать исторический ход событий и явлений.

В состав узбекского народа „узбеки-кочевники“ вошли, как мы видели выше, лишь последним существенным слагаемым. Основой его являлись как раз не они, а все тюркское население Узбекистана, которое формировалось здесь в течение многих веков в сложном процессе этногенеза.

У узбекского народа, благодаря специфичности географических и политических условий Средней Азии и Узбекистана, лежащего на стыке древних земледельческих оазисов и кочевой степи, процесс этногенеза протекал особенно сложно.

К счастью для исторической науки, этот процесс в большей своей части освещен письменными источниками. На основе последних, с помощью антропологических и археологических материалов, он может быть изучен в ближайшие годы. Чтобы устранить возможные недоразумения, хотелось бы подчеркнуть одно важное обстоятельство: тюрки, постепенно осваивая Зеравшанскую долину, никогда не вытесняли согдийцев (за очень малым исключением), а просто смешивались с ними, образуя таким образом население с новыми признаками, как этническими, так и языковыми. Термин меняет свое значение. Эту азбучную, но часто забываемую истину, можно применить и к слову „узбеки“. В XV в. этим термином обозначали совсем другое понятие, чем теперь. Отсюда вполне понятно, что тюрк начала XVI в. будет противопоставлять себя в качестве представителя чагатайского народа узбеку, как это имеет место в поэме Мухаммада Салиха „Шейбани-Наме“.

Чрезвычайно характерно, что пришельцы узбеки-кочевники приняли в литературе тот язык, который был тогда господствующим среди тюрков Мавераннахра и который называли чагатайским. Если обратиться к прошлому, то этот язык составит одну линию развития с языком караханидской эпохи, а с современной точки зрения он явится одним из этапов развития современного узбекского языка.

В тюркологии Вамбери был первым, кто высказал этот взгляд в своей работе *Chagataische Sprachstudien*, вышедшей еще в 1867 г.

В полном соответствии с проблемой формирования узбекского народа на территории Узбекистана находится и вопрос о роли в этом процессе тюрков (впоследствии называвшихся узбеками) в создании богатейшей культуры Средней Азии. До караханидского периода все творения городской культуры, за небольшим исключением, вышли из среды живших здесь нетюркских народов (главным образом, согдийцев—таджиков). Говорю—„за небольшим исключением“, так как крупнейший философ эпохи расцвета халифата, живший в IX в. и писавший на арабском языке, был ал-Фараби—среднеазиатский тюрк по происхождению.

Начиная с караханидского периода, в Средней Азии, особенно в Узбекистане, приобщение тюрков к городской культуре, созданной к тому времени таджикско-язычным населением, шло все возрастающими темпами.

Это выражалось не только в том, что тюрки изучали таджикско-персидский язык и знакомились с иранской литературой, но и сами принимали участие в создании городской материальной культуры. Многие тюрки оседали в городах, становились ремесленниками, включались в художественное ремесло, и вместе с таджиками расписывали поливную керамику, делали кирпичи, изразцы, строили здания, становились медниками, резчиками по камню, дереву и т. д. К сожалению, общие для

всех мусульман имена не дают нам возможности определить к какому народу нужно отнести того или иного мастера, имя которого сохранили нам памятники.

Впрочем даже некоторые надписи XII в. фиксируют факт сосуществования древне-тюркских и мусульманских имен и титулов. В качестве примера можно привести надпись на портале северного мавзолея в Узгенде, построенного в 547 г. хиджры (1152 г.). В этой надписи мы читаем „Хакан справедливый, могущественный, слава земного мира и веры Алп Кылыч Тунга Бильга Тюрк Тугрул Карахакан Хусейн сын Хасана сына Али, избранник наместника Аллаха, насир эмира правоверных, мелик (царь)“.

Выше мы упоминали города с тюркским населением—Ургенч, Андижан и другие. Едва ли можно сомневаться, что большинство ремесленников и мастеров художников этих городов считали и называли себя тюрками. Культурное сближение тюрков и таджиков в Средней Азии было благотворным для тех и других. Воспринимая многое от культуры древних городов, тюрки с большим успехом оплодотворяли собственным творчеством полученные знания. Культурное наследство, созданное древними народами Средней Азии, и в частности Узбекистана, наследство, с которым столкнулись тюрки, было огромно.

Насколько велики были культурные достижения народов Узбекистана в древности, показали нам археологические открытия последнего времени. Среди них айратамские скульптурные фризы I в. н. э. с изображением музыкантов, раскопанные профессором М. Е. Массоном в 1933 г., представляют собой замечательные памятники искусства Узбекистана в период кушанов (II в. до н. э.—III в. н. э.). Не меньшее значение имеют резные фризы из дворца Бухар-Худатов в Варахше, особенно стенная фресковая роспись последнего с изображением мифологических сцен, открытые В. А. Шишкиным в 1937—1939 гг. Фризы и росписи относятся к сасанидскому времени и пока более точной датировки не имеют. Уже одно открытие двух этих памятников заставляет отнести совершенно по новому к культуре Узбекистана в период до арабского завоевания (VII—VIII вв.). После ознакомления с ними нельзя говорить о Согде, а следовательно и об Узбекистане, как о стране, стоявшей в древности на более низком культурном уровне, чем Иран. Арабское завоевание и принесенный арабами ислам, если не совсем убили, то обескровили богатую самобытную согдийскую культуру, ее замечательное изобразительное искусство. Однако, традиции высококультурной страны продолжали существовать в Средней Азии, в частности в Узбекистане, и в последующие века. Вспомним хотя бы тот факт, что некоторые наиболее крупные ученые, украсившие своими именами науку средневекового Востока, вышли из Средней Азии, главным образом, из Узбекистана. Мухаммад

ибн Муса-ал-Хорезми, крупный математик IX в., одно время астроном при обсерватории халифа ал-Мамуна (813—833) в Багдаде, увековеченный тем, что по его имени называются логарифмы¹, был родом из Хорезма, одной из древнейших и культурнейших областей Средней Азии. Другой крупный математик Востока IX в., также как и ал-Хорезми, писавший на арабском языке, был Ахмад-ал-Фергани, родом из Ферганы.

Великий естествоиспытатель, медик и философ X—XI вв. знаменитый Али-ибн-Сина, в европейском произношении Авиценна, был согдийцем (таджиком) из окрестностей Бухары. Наконец, самый великий ученый средневекового Востока, математик, астроном, филолог и историк, хорезмиец ал-Бируни, живший также как и Авиценна в конце X и первой половине XI вв., был родом из Хорезма.

За исключением ал-Фараби, вышеперечисленные ученые не были тюрками, однако своим культурным влиянием они сыграли большую роль в истории культуры таджикского и узбекского народов. В связи с этим позволю провести здесь параллель с историей Киевской Руси, огромное культурное наследство которой вошло блестящей главой не только в историю Украины, но и России. Постепенное культурное сближение тюрков и таджиков привело к тому, что в XV в. тюрки на территории Мавераннахра и Хорасана встали в отношении создания культурных ценностей на один уровень с таджикским населением древних городов. В феодальном обществе образованность и блага культуры находились, главным образом, в руках феодальной знати. Естественно, что и в тюркской среде Узбекистана образованность, а тем самым и творчество в области литературы и науки было в руках этой знати и связанной с ней интеллигенции. В докладе „Черты общественной и культурной жизни эпохи Навои“, прочитанном год назад на I пленуме Комитета Навои, автору пришлось дать характеристику культурного уровня последних. Даже беглого знакомства с фактами достаточно, чтобы вывести заключение о близости тюркской, персидской и таджикской знати. У нее, конечно, были специфические черты, связанные с традициями кочевой жизни, еще не до конца изжитыми, но они не мешали ее культурному росту. Тюркская знать любила военное дело, знала его хорошо и считала его своей привилегией, связывая военное дело с властью, которая, как они полагали, должна находиться в ее руках. Военное дело—основной предмет занятий тюркской знати—было тесно связано и с многими моментами быта, с нравами, вкусами, определенными привычками и т. д. Староузбекская знать любила охоту, главным образом, соколиную, тратила на нее много времени и средств, любила

¹ Ал-Хорезми в европейской передаче—Алгорифми, отсюда и логарифмы.

коней, понимала в них толк, умела хорошо на них ездить и устраивала скачки. Вместе с тем она увлекалась и грубыми играми—козлодранием, боем баранов, петухов, перепелов и т. п. Все это не мешало тюркской (староузбекской) знати не только впитывать в себя все достижения городской культуры, но и способствовать, в лице лучших своих представителей, ее дальнейшему процветанию, главным образом, в области литературы и науки. Наиболее яркими выразителями этого процесса и были, как это мы увидим ниже, Улугбек—ученый на тимуридском престоле в Самарканде, и гений узбекской литературы Алишер Навои.

Приведем несколько фактов из культурной жизни феодальной тюркской знати второй половины XV в. Известно, что в Самарканде в 1466—1469 гг., т. е. в конце царствования Абу-Саида, жил молодой поэт Алишер Навои. Он учился тогда у ходжи Фазлулла Абу-л-Лейса, большого знатока арабского языка и фикха. Повидимому, в эти годы Алишер Навои приобрел главные свои познания. Правда, Самарканд при Абу-Саиде уже поблек, астрономическая работа в обсерватории Улугбека прекратилась совершенно, медресе сделалось средоточием реакционных богословов и не в Самарканде, а лишь в Герате можно было изучать высшие достижения культуры того времени. Однако, и в Самарканде Алишер Навои сумел научиться многому. Большую поддержку оказывал ему там Ахмад Хаджи-Бег, сын султана Малика Кашгари, тюрк по происхождению, человек очень культурный. Одно время Алишер был назначен султаном Абу-Саидом правителем в Герате, потом был отправлен в Самарканд, на ту же должность. Благодаря своему богатству, высокому административному посту и близости к государю, Алишер пользовался исключительным влиянием.

Ахмад Хаджи—Бег любил коней, имел прекрасные конюшни, был искусным наездником. Вместе с тем будучи весьма образованным человеком, особенно в области литературы, он сам писал стихи и имел их целый диван. Литературное его прозвище было Вефай. Бабура говорит, что его стихи были совсем неплохими. Вспоминает его в своем „Маджалисе“ и Алишер Навои. По словам последнего он был во времена Абу-Саида, в его отсутствие, полновластным правителем Самарканда; что же касается его стихов, то Алишер считал их, вопреки Бабуру, грубыми.

Хасан Али-Джалаир, тюрк из племени джалаири (это видно из его имени) числился при дворе Султан Хусейна кушбегги. Отец Хасана Али-Джалаира, по словам Бабура служил в 1470 г. у Мухаммада Ядыгара в Герате, в дни его кратковременной власти, что впрочем не мешало его сыну служить при дворе Султана Хусейна, более счастливого соперника Мухаммада. Хасан Али-Джалаир не выходил за пределы своей среды, любил поест, играть в нарды. Вместе с тем он был

большим мастером касыд, т. е. похвальных стихотворных произведений. Первоначально он писал их в честь Султан Хусейна, но после его смерти, перейдя в 1511 г. на службу к Захир ад-дин Бабуру, посвящал их последнему. По словам Бабура в написании произведений этого жанра Хасан Али-Джалаир не имел себе равных среди своих современников. Поэтическим прозвищем Хасан Али-Джалаира было имя Туфейли.

Среди придворных Султан Хусейна в Герате был Сайид Хасан Оглакчи, у которого был сын, носивший имя Мирза Фаррух. Этот весьма способный человек, поступил на службу к Захир ад-дин Бабуру после взятия им Самарканда в 1511 г. Он был очень недурным поэтом, и его немногочисленные стихи высоко ценились. Мирза Фаррух был и очень неплохим математиком, знал астролябию и умел с ней хорошо обращаться.

Его родственник Сайид Юсуф Оглакчи, служивший при дворе Султана Ахмада (1469—1494) в Самарканде был одаренным музыкантом и прекрасно играл на кобузе. Отец его пользовался большим уважением еще при дворе Улугбека.

Большую склонность к музыке имел Дервиш-бег, служивший также при дворе Султана Ахмада. Он являлся прекрасным исполнителем музыкантом и вместе с тем имел большую склонность к поэзии.

В истории начальных этапов политической карьеры Султан Хусейна, до воцарения его на гератском престоле, часто встречается имя Мир Сайида или Сайид-Ака. Он был одним из близких сподвижников Султан Хусейна и вместе с тем родственником Алишера Навои. Преданный Султан Хусейну он погиб еще в 1461 г. во время сдачи Серахса султану Абу-Саиду, который страстно его ненавидел. Сайид-Ака, имевший поэтическое прозвище Кабули, прекрасно знал поэзию и писал стихи на тюркском (староузбекском) языке. Его младший брат Мухаммад Али, по прозвищу Гариби, писал стихи на староузбекском языке. Это же поэтическое прозвище (Гариби) носил и один из сыновей Султана Хусейна, Шах-Гариб-Мирза, писавший стихи как на тюркском, так и на персидском языках. Вернемся, однако, к Мухаммаду Али. Он являлся не только поэтом и музыкантом, но и прекрасным каллиграфом. Как и его старший брат, он был убит в Самарканде по приказу султана Абу-Саида за его крепкую привязанность к Султан Хусейну. Интересной фигурой являлся с указанной точки зрения и Хайдар, сын Сайид-Ака, убитый в конце жизни Алишера Навои, по приказу Султана Хусейна. Хайдар умел сочетать в себе черты типичного тюрка воина и человека большой культуры, чему, конечно, способствовала близость к Алишеру Навои. Хайдар имел интерес к наукам и большой вкус к поэзии. Свои стихи он подписывал поэтическим именем Сабухи. Среди тюркской феодальной знати были люди, которые сами не выступали в качестве поэтов, зато хорошо знали и умели ее

ценить. В этом отношении особенно интересным является Мирза Ахмад Али Фариси Барлас. Хотя он и не имел дивана своих стихов, но почитался столь тонким ценителем поэзии, что с мнением его в этой области очень считались. Можно было бы привести здесь еще ряд других имен, однако, и перечисленных достаточно, чтобы составить себе ясное представление о культуре того времени.

Едва ли можно сомневаться, что во второй половине XV в. тюркская феодальная знать по своему культурному уровню стояла не ниже иранской и, в частности, таджикской.

При сопоставлении вышеприведенного списка выдающихся людей того времени, автор меньше всего стремился к тому, чтобы у читателя создалось впечатление о некоторой идеализации им тюркской феодальной среды. Напротив ему хотелось бы подчеркнуть, что в целом она страдала теми же недостатками, что и иранская феодальная знать.

Даже многие из лучших ее представителей обладали не только недостатками, но даже и пороками. В среде этой знати было немало людей грубых, жестоких и коварных. Феодальная аристократия, по самой классовой своей природе, независимо от этнической принадлежности, воспитания на неограниченной эксплуатации земледельческого населения, и не могла не страдать пороками, которые порождались всей системой феодального насилия. И если мы привели ряд примеров, говорящих о высоком культурном уровне староузбекской знати, то только для того, чтобы подчеркнуть, что в XV в. она представляла собой часть культурно живущего человечества.

Только принимая все это во внимание можно понять такие крупные факты культурной жизни XV в., как появление выдающегося астронома в лице правителя Улугбека и гениального поэта и мыслителя Алишера Навои. Конечно, последний не мог родиться на почве, лишенной культурных традиций. Одним иранским культурным наследием творений Алишера Навои не объяснить. Корни его творчества уходят в развитие тюркского языка и тюркской литературы, имевших свою богатую историю на территории Узбекистана и сопредельных с ней областей до XV в.

Показать это — дело специалистов литературоведов и лингвистов.

Современные узбеки, строящие в братском содружестве с другими народами СССР коммунистическое общество, не являются народом не знающим своего происхождения. Выше мы показали, что этот народ имеет долгую и непрерывную историю своего развития на территории Узбекистана. Мы видели также, что нельзя смешивать историю народа с историей его имени. Настоящее свое имя он получил много позже, чем сам он существует, что ни в какой мере не подрывает его права на историческое прошлое, предшествовавшее появлению его наименования. То же самое можно сказать и о

языке народа как живом, так и литературном. Филология и лингвистика в этой области дают нам ту же непрерывную линию развития, идущую от языка Ходжа Ахмада Ясеви, через язык Лютфи и Алишера Навои, к современному узбекскому литературному языку.

Не дает ли вышеизложенное права на то, чтобы преодолев чисто формалистические соображения относительно происхождения имени „узбеки“ обозначать термином „староузбекский“, все тюркское прошлое на территории Узбекистана до XVI в.? Нам кажется, что дает.

